

Глава 5

Второе путешествие на Запад

Свое второе путешествие на Запад, оставившее заметный след в истории, Петр совершил в 1716–1717 годах, через девятнадцать лет после Великого посольства 1697–1698 годов. Любопытный, горячий юный гигант-москвит, который настаивал на своем инкогнито, пока он учился строить корабли, и которого Европа воспринимала как нечто среднее между мужланом и дикарем, теперь, в свои сорок четыре года, превратился в могущественного победоносного монарха, чьи подвиги были всем хорошо известны и чье влияние ощущалось повсюду, где бы он ни появился. Поэтому на сей раз царя, конечно же, сразу узнавали во многих местах, которые он проезжал: за 1711, 1712 и 1713 годы Петр посетил немало городов и княжеских дворов Северной Германии, так что разные небылицы о его внешнем облике и поведении там уже мало-помалу прекратились. Но в Париже он до сих пор не бывал; Людовик XIV всегда заигрывал со Швецией, и лишь после смерти Короля-Солнце, в сентябре 1715 года, царь решил, что можно ехать во Францию. Как ни странно, посещение Парижа, ставшее для Петра самым памятным событием за все его второе путешествие, не было запланировано, когда он покидал Санкт-Петербург. Вообще поездка преследовала три цели: подлечиться, побывать на свадьбе племянницы и, наконец, постараться добить Карла XII и завершить войну со Швецией.

Врачи давно настаивали на том, чтобы Петр ехал лечиться. Уже много лет здоровье царя вызывало серьезное беспокойство. И тревожили даже не его эпилептические припадки – они бывали недолгими и спустя несколько часов после них царь выглядел нормально. Зато приступы лихорадки то в результате безудержного пьянства, то из-за чрезмерного напряжения сил, а иногда по обеим причинам сразу – неделями не давали ему встать с постели. В ноябре 1715 года, после попойки в доме Апраксина в Петербурге, Петр так расхворался, что его даже причастили, как перед смертью. Два дня его министры и сенаторы просидели в соседней комнате, опасаясь самого худшего. Но через три недели царь встал на ноги и смог пойти в церковь, хотя лицо его побледнело и осунулось. Во время этой болезни один из врачей Петра ездил в Германию и Голландию, чтобы получить консультации, и вернулся с мнением, что пациенту следует как можно скорее отправиться в Пирмонт близ Ганновера, к источникам минеральной воды, считавшейся более мягкой, чем карлсбадская, которой Петр лечился прежде.

Кроме того, Петр собирался присмотреть за свадьбой своей племянницы, Екатерины, дочери сводного брата Ивана. Вдова Ивана, царица Прасковья, во всем слушалась Петра и позволила ему распорядиться судьбой своих дочерей Анны и Екатерины ради упрочения связей России и Германии. Анна вышла за герцога Курляндского в 1710 году, чтобы уже через два месяца овдоветь. Теперь старшая, двадцатичетырехлетняя Екатерина, выходила за герцога Мекленбургского, чьи скромные владения на балтийском побережье затерялись между Померанией, Бранденбургом и Гольштейном.

Третья цель путешествия Петра заключалась во встрече с его союзниками, Фредериком IV Датским, Фридрихом Вильгельмом Прусским и Георгом Людвигом Ганноверским, который с сентября 1714 года стал еще и английским королем под именем Георга I. Посол Петра в Копенгагене, князь Василий Долгорукий, торопил короля Фредерика IV присоединиться к Петру для совместного вторжения в шведскую провинцию Скания (Сконе), которая лежала за проливом Эресунн (Зунд), в трех милях от датского берега Зеландии. Фредерик колебался, и Петр понял, что, лишь явившись собственной персоной, он сумеет подтолкнуть датчан на тот единственный шаг, который, по-видимому, только и мог теперь заставить Карла прекратить войну.

24 января 1716 года царский кортеж покинул Петербург. Петра сопровождали высшие чиновники Посольской канцелярии – Головкин, Шафиров и Толстой – и быстро поднимающиеся в гору молодые Остерман и Ягужинский. Екатерина собиралась самолично следить за здоровьем Петра, оставив трехмесячного сына, Петра Петровича, и его сестер,

Анну восьми лет и семилетнюю Елизавету, на попечение царицы Прасковьи, которая каждый день посылала ей краткий, но исполненный любви к детям отчет об их здоровье и успехах. Свою же дочь, Катюшку (будущую невесту мекленбургского герцога), Прасковья поручала заботам Петра.

Петр приехал в Данциг в воскресенье 18 февраля, и тут же в сопровождении бургомистра посетил церковную службу. Во время проповеди, почувствовав сквозняк, Петр протянул руку, снял с бургомистра парик и надел его себе на голову. В конце службы он вернул парик с благодарностью. Позже изумленному чиновнику объяснили, что у себя дома Петр, когда у него мерзла голова, всегда одалживал парик у первого, кто подвернется, – а на сей раз под руку попался бургомистр.

Хотя в Данциге собрались все заинтересованные в предстоящей свадьбе лица, условия брачного контракта еще не были выработаны. Герцога Карла Леопольда Мекленбургского описывали как «деспотичного грубияна и одного из самых отъявленных мелких тиранов, которых мог породить только тогдашний упадок германской государственности». Мекленбург был мал и слаб и нуждался в могущественном защитнике; женитьба на русской царевне обещала герцогу поддержку царя. Зная, что две из дочерей царя Ивана V – девицы на выданье, и совсем не интересуясь, которая из двух ему достанется, герцог послал в Петербург обручальное кольцо и письмо с предложением руки, в котором для имени адресатки было оставлено пустое место. Выбор пал на Екатерину.

Свадьба состоялась 8 апреля в присутствии Петра и короля Августа. Жених был в военной форме шведского образца, при длинной шведской шпаге, правда забыл надеть манжеты. В 2 часа прибыл царский экипаж, чтобы отвезти Карла Леопольда и его первого министра, барона Эйхгольца, к Петру в дом. На глазах толпы, заполнившей площадь перед домом, герцог шагнул из экипажа и зацепился париком за гвоздь. Так он и стоял при всем народе с непокрытой головой, пока верный Эйхголец, вскарабкавшись на ступеньку, не отцепил парик от гвоздя. Затем вместе с невестой, на которой была корона русских великих княжон, кортеж пешком отправился по улицам города к маленькой православной часовне, специально выстроенной царем для этого случая. Православное венчание, которое проводил русский епископ, тянулось два часа, а тем временем Петр расхаживал среди паствы и хора, подсказывая слова Псалтыри и подтягивая певчим. По окончании службы свадебный кортеж опять проследовал по улицам, и в толпе закричали: «Смотрите! А герцог-то без манжет!»

Вечером на площади перед домом, где остановился герцог, был устроен фейерверк, Петр провел Августа и новобрачного сквозь толпу, сам пускал ракеты. Веселье так затянулось, что в час ночи Эйхгольцу пришлось напомнить своему господину, что невеста уже три часа как отправилась в постель. Карл Леопольд удалился, но тревоги Эйхгольца на этом не кончились. Комната невесты была украшена множеством лакированных предметов, включая и лакированное ложе. Герцог же не выносил запаха лака, и Эйхголец боялся, что тот не сможет уснуть, но герцог как-то справился, и на следующий день новобрачные в окружении гостей обедали у довольного и счастливого Петра. Однако финал праздника был омрачен перебранкой между придворными чинами обеих сторон из-за обмена памятными подарками. Герцог поднес русским вельможам ценные подарки, но мекленбуржцы не получили ничего – «ни единой гнутой булавки». Хуже того, Толстой, привыкший в Константинополе к сказочным камням, был недоволен подаренным кольцом и ворчал, что оно уступает в цене тем, что получили Головкин и Шафиров. Остерман, пытаясь утихомирить возмущенного Толстого, предложил ему взять в придачу то скромное колечко, которое он, в соответствии со своим чином, получил сам, но Толстой по-прежнему считал, что его оскорбили.

К огорчению Петра, этот брак привел к серьезным разногласиям с северогерманскими союзниками, особенно с Ганновером, который, как и Пруссия, присоединился к антишведскому союзу России, Дании и Польши. Общей целью этих новообретенных союзников было изгнать Карла XII прочь с континента, завладеть остатками бывших шведских территорий в пределах Священной Римской империи и поделить их между собой.

Но теперь они все яснее понимали, что сокрушение шведской мощи сопровождается подъемом новой, еще более могущественной силы – русского царя. До брачного союза с Мекленбургом подозрения северогерманских князей оставались подспудными. В июле 1715 года датские и прусские войска, осаждавшие Штральзунд, даже просили помощи у русских. Армия Шереметева стояла в Польше и легко могла бы выступить на подмогу, но князь Григорий Долгорукий, опытный русский посол в Варшаве, опасался за Польшу, чье положение было все еще слишком неустойчиво, и настоял на том, чтобы Шереметев не двигался с места. И Штральзунд пал без участия единого русского солдата. Услышав об этом, Петр обрушился на Долгорукого: «Я зело удивляюсь, что вы на старости потеряли разум свой и дали себя завести всегдашним обманщикам и чрез то войска в Польше оставить».

Как и предвидел Петр, когда через несколько месяцев настал черед осады Висмара, последнего шведского порта на континенте, за помощью к русским войскам уже сознательно обращаться не стали. Висмар, прибрежный город в Померании, заранее обещанный Петром, герцогу Карлу Леопольду Мекленбургскому как часть приданого царевны Екатерины, был осажден датскими и прусскими войсками. Когда туда же подошел князь Репнин с четырьмя полками русской пехоты и пятью драгунскими полками, его попросили увести их обратно. Вспыхнул спор, русский командующий чуть было не подрался с прусским, но в конце концов русские войска отошли. Петр был раздосадован, но ему пришлось взять себя в руки, ведь он нуждался в помощи союзников для нападения на Швецию с моря.

Вскоре положение ухудшилось. Прусский отряд, следовавший через Мекленбург, был задержан превосходящими силами русских войск и насильственно выдворен обратно через границу. Оскорбленный Фридрих Вильгельм заявил, что с его солдатами обошлись «как с врагами». Он отменил назначенную встречу с царем и пригрозил совсем выйти из союза. «Царь должен принести мне извинения, – кипятился он, – не то я немедленно поставлю под ружье свою армию, а она у меня в полном порядке». Одному из своих министров он злобно прошипел: «Слава Богу, что я не нахожусь в крайности, как [датский король], который дал московитам заморочить себе голову. Пусть царь знает, что имеет дело не с польским или датским королем, а с пруссаком, который ему башку расшибет, если понадобится». Но гнев Фридриха Вильгельма остыл быстро, как почти всегда и бывало. В глубине души он испытывал больше раздражения и недоверия к Ганноверу, чем страха перед усилением России, и скоро согласился увидеться с Петром в Штеттине, где и передал порт Висмар герцогу Мекленбургскому. Но не раньше, чем по его приказу снесли городские укрепления, – как он заявил, отдавать Карлу Леопольду город вместе с бастионами было «все равно что вложить в руки ребенку острый нож».

Решение Фридриха Вильгельма отдать Висмар герцогу Мекленбургскому было вызвано, среди прочего, желанием задеть ганноверцев. Расчет оказался верным. В Ганновере питали особую враждебность и подозрительность к Петру и к русскому присутствию в Северной Германии. Тому были отчасти субъективные причины: Бернсдорф, первый министр короля Георга I в Ганновере, происходил из Мекленбурга и принадлежал к аристократической партии ярых противников герцога Карла Леопольда. Будучи доверенным лицом короля, он мог легко внушить ему подозрительность в отношении политики Петра: для чего царю устанавливать тесные династические связи с крохотным герцогством в Северной Германии? Зачем постоянно держать там десяток русских полков? Не было ли требование царя отдать Висмар Мекленбургу в приданое за племянницей попросту ловким способом создать русский оплот в западной части Балтики? И если придут новые русские войска – якобы для участия в походе на Швецию, – то еще кто знает, против кого они повернут оружие, оказавшись в Северной Германии? Все эти домыслы и подозрения Георг I выслушивал благосклонно, потому что и сам был обеспокоен растущим влиянием России и перспективой размещения крупных сил русской армии так близко от Ганновера. Если бы Петр своевременно получал необходимую информацию и толковые советы по поводу настроений Ганновера, возможно, он иначе повел бы себя в вопросе о Мекленбурге. Но Петр

уже приехал в Данциг, брачный контракт был подписан, и, как ни стремился царь сохранить союз с Ганновером и заключить союз с Англией, он не мог изменить данному слову.

Проведя три недели в Пирмонте, где он пил воды и лечился, Петр вернулся в Мекленбург – там, в обществе герцога Карла Леопольда и его молодой жены, он оставил царицу Екатерину. Лето было в разгаре, и Петру нравилось обедать в саду возле герцогского дворца, любуясь прекрасным видом на озеро. По настоянию Карла Леопольда, ради придания этим обедам должной торжественности, вокруг стола стояли навывтяжку с обнаженными шпагами его рослые гвардейцы, обладатели длинейших усов. Петр, любивший обедать в непринужденной обстановке, находил это смешным и все просил отослать гвардейцев. Наконец как-то вечером он сказал хозяину, что было бы лучше для всех, если бы гвардейцы положили шпаги на землю и попробовали бы своими усами разогнать комаров, которые тучей вились над столом.

* * *

Так, на фоне взаимных подозрений и разлада между союзниками, Петр продолжал готовить совместное нападение на Швецию летом 1716 года. Упрямый «братец Карл» не выказывал ни малейшего желания мириться; наоборот, возвратившись в Швецию после падения Штральзунда, Карл деятельно собирал новую армию и снова готовился идти в наступление. Перехватив инициативу, он успел еще в феврале внезапным броском атаковать ближайшего из своих врагов, Данию. Если бы в ту зиму пролив Эресунн как следует замерз, Карл с 12-тысячной армией перешел бы в Зеландию и штурмовал Копенгаген. Но образовавшийся было лед сломало штормом, и потому Карл повел свои войска в южную Норвегию, которая оставалась датской провинцией. Он устремился через горные перевалы, быстро овладел крепостями в скалах и занял город Кристианию (нынешний Осло), после чего из-за недостатка продовольствия вынужден был вернуться в Швецию.

Эта вылазка убедила Петра в том, что завершить войну можно было, только ворвавшись в Швецию и сокрушив Карла XII на его собственной территории. Для этого царь нуждался в союзниках. Хотя Россия и добилась превосходства в северной части Балтики, Петр все же не отваживался на крупномасштабное вторжение в Швецию с переброской войск морем, опираясь только на силы русского флота для защиты транспортов. Шведский флот все еще был слишком силен. Вот почему, пока Петр весной 1716 года наблюдал за свадьбой в Мекленбурге и пил воды в Пирмонте, русский галерный флот начал двигаться к западу вдоль южных балтийских берегов – сначала в Данциг, потом в Росток. Остановившись в Гамбурге по пути на воды, Петр встретился с датским королем Фредериком IV, и они выработали генеральный план вторжения в Швецию. План предусматривал десант соединенных русско-датских сил в Скании, на юге Швеции, с одновременной высадкой мощной, уже только российской армии на восточном берегу Швеции, что заставило бы Карла воевать на два фронта. Русский и датский флоты, объединенные под командованием датского адмирала Гильденлеве, должны были прикрывать оба отряда вторжения. Англия также бралась выслать мощную эскадру, хотя ни Петр, ни Фредерик Датский не были уверены, что англичане вступили бы в бой, случись морское сражение. Петр обещал выставить 40 000 русских солдат – пехоты и кавалерии – и весь российский флот как галеры, так и боевые корабли. Датчане собирались предоставить 30 000 солдат, большую часть артиллерии и боеприпасов для объединенной армии и весь свой военный флот. Кроме того, для транспортировки множества людей и лошадей через пролив Фредерик взялся подрядить на все лето датский торговый флот. Прусский король Фридрих Вильгельм I отказался непосредственно участвовать в десанте, но согласился поставить двадцать транспортных судов для переброски скопившейся в Ростке русской пехоты в Копенгаген – отправной пункт броска на Сканию. Получалась, по крайней мере на бумаге, грозная соединенная ударная сила, особенно в сравнении со Швецией, по всем расчетам, беспомощной. Впрочем, этот план не во всем был разумен: дабы не ущемлять

самолюбия Фредерика IV и Петра, верховное командование операцией решили поделить между ними, так чтобы оба монарха возглавляли ее попеременно – неделю один, неделю другой.

Пробыв три недели в Пирмонте, Петр отправился в Росток, где сосредоточились его войска, простился с Екатериной и с флотилией в 48 галер отплыл в Копенгаген, где и пристал 6 июля. Он был встречен оглушительным салютом и писал Екатерине: «Дай знать, как сюда будете, дабы я вас мог встретить, понеже чины неописанные здесь, и я вчера в такой церемонии был, в какой более двадцати лет не бывал».

Но торжества торжествами, а время уходило. Пролетел июль, и Петр жаловался в письме к жене: «Болтаемся туне», то есть без дела. Главное затруднение состояло в том, что датский флот, необходимый для прикрытия армии вторжения, все еще курсировал у норвежских берегов, наблюдая, как отходят шведские войска, покидавшие Кристианию. Только 7 августа флот вернулся в Копенгаген, но все равно еще не были готовы транспорты, чтобы принять на борт войска. Тем временем, с прибытием английской эскадры линейных кораблей под командованием адмирала Норриса, в копенгагенском порту скопился огромный объединенный флот. В ожидании погрузки войск на суда адмирал Норрис предложил совершить все вместе плавание по Балтийскому морю. Петр, уставший от безделья, согласился. Поскольку ни Норрис, ни датский адмирал Гильденлеве не хотели идти под начало один к другому, главнокомандующим назначили царя. 16 августа Петр поднял флаг на русском линейном корабле «Ингерманландия» и дал команду флоту сниматься с якоря. Никогда Балтика не видывала более величественной парусной флотилии: 69 военных кораблей – 19 английских, 6 голландских, 23 датских и 21 русский – и более 400 торговых судов, а во главе – моряк-самоучка, чья страна еще двадцать лет назад не обладала ни единым морским кораблем.

Но несмотря на всю свою мощь и великолепие, этот флот мало чего достиг. Все 20 линейных кораблей шведов – в три раза меньше, чем у противника, – остались в Карлскруне. Норрис хотел, невзирая на огонь крепостной артиллерии, войти в порт и попытаться потопить шведские корабли прямо у причалов, но датский адмирал, отчасти из зависти, отчасти потому, что имел тайный приказ воздерживаться от участия в опасных операциях, не согласился. Петр был разочарован и по возвращении в Копенгаген опять поплыл к шведским берегам на рекогносцировку, взяв два небольших фрегата и две галеры. Он обнаружил, что Карл XII не терял даром того времени, которое подарили ему проволокки союзников. Как только корабли Петра незаметно подобралась поближе к берегу, чтобы получше присмотреться, в его корабль угодило несколько шведских ядер. Другое судно пострадало еще серьезнее. С галер высадили на берег отряд казаков, который захватил несколько пленных, и те сообщили, что у Карла имеется 20-тысячная армия.

По сути, Карл совершил чудо. Он поставил гарнизоны во всех крепостях по берегам Скании и обеспечил их боеприпасами и продовольствием. В удаленных от моря городах были сосредоточены резервы пехоты и кавалерии, готовые ответным ударом уничтожить плацдарм противника. В Карлскруне, ожидая королевского приказа, располагался мощный резерв артиллерии. У Карла было всего 22 000 солдат – 12 000 кавалерии и 10 000 пехоты, но он знал, что не всю армию вторжения удастся переправить в Швецию одновременно, и собирался атаковать и уничтожать авангарды противника прежде, чем они будут усилены новыми подкреплениями. Если же ему самому пришлось бы отступать, он готов был последовать примеру Петра и сжигать на своем пути все селения и города Южной Швеции: завоевателей встретила бы черная пустыня. (Строить подобные замыслы королю было бы куда большее, если бы речь шла о любой другой шведской провинции, кроме Скании, до середины XVII века принадлежавшей датчанам.)

В первых числах сентября приготовления в Зеландии шли полным ходом. Из Ростка были доставлены 17 полков русской пехоты и 9 драгунских полков общей численностью 29 000 человек. Вместе с 12 000 датской пехоты и 10 000 кавалерии союзная армия насчитывала 51 000 солдат. Была назначена дата высадки – 21 сентября. И вдруг 17 сентября, когда полки

готовились выйти к месту погрузки на корабли, Петр заявил, что вторжение откладывается, – благоприятное время упущено и с наступлением надо подождать до будущей весны. И Георга I Английского, и Фредерика IV Датского, и их министров с адмиралами и генералами ошеломило это единоличное решение. Фредерик возражал, что отсрочка равносильна отмене операции, ведь не мог же он два года подряд реквизировать датский торговый флот.

Но Петр стоял на своем. Он утверждал, что с наступлением осени вся затея становится слишком рискованной. Он предвидел, что Карл встретит передовой отряд нападающих на берегу сокрушительным контрударом, и для того, чтобы отразить этот удар и надежно закрепиться на шведской территории на всю зиму, понадобится очень быстро перебросить туда большое число войск, выиграть сражение, осадить и взять хотя бы два города, Мальме и Карлскруну. Если же это не удастся, вопрошал он, где будут зимовать его солдаты? В землянках, как предлагают датчане? Но от этого погибнет людей больше, чем в бою. И где добудут его солдаты еду и фураж во враждебной Скании? «За тем столом уже сидит тридцать тысяч шведских солдат, и они не станут уступать место непрошеным гостям».

Датчане уверяли, что можно доставлять припасы через датские острова. «Пустыми обещаниями, – сказал Петр, – солдата не накормишь; для этого нужны амбары, притом полные». Далее, продолжал он, как союзники смогут помешать Карлу жечь и опустошать свою территорию по мере отступления на север? Как смогут вынудить его остановиться и дать бой? Не обрекут ли себя союзные армии на медленную гибель во враждебной стране, посреди зимы, подобно тому как собственная армия Карла погибла в России? И вместо того, чтобы добить Швецию, не накличат ли они беду на собственные головы? Петр хорошо изучил Карла и не был склонен недооценивать его. «Я знаю, как он воюет. Он не оставит нас в покое, пока наши армии не выбьются из сил». Нет, упрямо повторял Петр, вторжение надо отложить до весны.

Решение Петра вызвало дипломатическую бурю. Отказавшись от экспедиции, он как будто подтвердил все самые худшие опасения его союзников. Хитроумный Петр привел 29 000 русских солдат в Копенгаген не для того, чтобы напасть на Швецию, а чтобы оккупировать Данию, занять Висмар и диктовать политику всей Северной Германии. Фредерика IV Датского пугали многочисленные русские полки, стоявшие лагерем в пригородах его столицы. Кроме того, он был разгневан внезапным решением Петра, которое, как он полагал, лишило его верной победы над шведами. Англичан беспокоило, что присутствие мощной русской армии и флота у входа в Балтийское море может неблагоприятно сказаться на английской торговле в этом регионе. Но больше других возмущались русским «козням» ганноверцы. Первый министр Бернсдорф помчался к английскому генералу Стенгопу, находившемуся тогда в Ганновере вместе с королем Георгом I, и истерически требовал, чтобы Англия «немедленно сокрушила царя, захватила его корабли, да и его самого» в залог вывода всех русских войск из Дании и Германии. Стенгоп отказался, и тогда Бернсдорф послал приказ захватить царя и русские корабли адмиралу Норрису в Копенгаген. Норрис тоже благоразумно уклонился от выполнения приказа на том основании, что подчиняется английскому, а не ганноверскому правительству.

Пока за его спиной шли все эти пересуды, Петр оставался в Копенгагене и продолжал пользоваться почестями со стороны датчан. Особенно доволен он был приемом, оказанным Екатерине. Ее принимали как его супругу и царицу, и сама датская королева нанесла ей визит, чтобы приветствовать ее в столице Дании. Адмирал Норрис тоже был почтителен и любезен со своим собратом-адмиралом, царем Петром. В годовщину битвы при Лесной, победа в которой была личной заслугой Петра, царю салютовали все корабли английской эскадры.

На деле подозрения союзников были беспочвенны. Петр действительно намеревался занять Швецию и тем положить конец войне. Когда ему показалось, что это предприятие сопряжено с чрезмерным риском, он отказался от него, но немедленно стал искать иного средства достичь цели. Уже 13 октября он направил в Сенат, в Санкт-Петербург, письмо с объяснением своих действий, где говорилось, что остается единственный выход: ударить по

шведской территории с другой стороны, с Аландских островов через Ботнический залив. И приказал готовиться к этому удару. Что же до «русской угрозы» Дании и Ганноверу, то она рассеивалась, как раз когда Бернсдорф предрекал всеобщую погибель. Русские войска спокойно возвращались в Мекленбург, а оттуда, за исключением небольшого отряда пехоты и одного кавалерийского полка, – в Польшу. Русский флот ушел на север, на свои зимние стоянки в Риге, Ревеле и Кронштадте. 15 октября Петр и Екатерина также покинули столицу Дании и не спеша двинулись через Голштинию, чтобы в Хафельсберге встретиться с прусским королем Фридрихом Вильгельмом.

Фридрих Вильгельм недолюбливал Ганновер, хотя его жена и мать были ганноверскими принцессами. Поэтому когда Бернсдорф обвинил русских в намерении занять Любек, Гамбург и Висмар, прусский король заступился за Петра. «Царь дал слово, что ничего не возьмет себе из имперских земель, – напомнил прусский король. – К тому же часть его кавалерии уходит в Польшу, а без артиллерии, которой у него попросту нет, ему этих трех городов не взять». На донесение своего посланника Ильгена о ганноверских инсинуациях король ответил: «Чепуха! Я буду решительно поддерживать моего брата Петра». В свете такого отношения со стороны Фридриха неудивительно, что встреча двух монархов прошла удачно. В залог дружбы они обменялись подарками: Петр обещал прислать новых русских великанов для пополнения рядов потсдамских гренадеров, а Фридрих Вильгельм подарил царю яхту и бесценную Янтарную комнату.

* * *

В Северной Европе наступила зима. Темнело рано, в воздухе чувствовалось дыхание стужи, глубокие колеи на дорогах сковал мороз. Скоро все скроется под снежным покровом. Екатерина была беременна, так что долгое путешествие в Санкт-Петербург обещало стать весьма нелегким. Поэтому Петр решил не возвращаться на зиму в Россию, а отправиться дальше на запад и провести самые холодные месяцы в Амстердаме, которого он не видел уже восемнадцать лет. Предоставив Екатерине двигаться не спеша, он поехал вперед через Гамбург, Бремен, Амерсфорт и Утрехт и попал в Амстердам 6 декабря. Даже на этих сравнительно наезженных дорогах удобства тогда были очень примитивны. Петр писал, предупреждая Екатерину: «Писал я к вам перед сим, что и ныне подтверждаю, дабы сею дорогою, которою я ехал, тебе не ездить, понеже неописанно худа. Также людей не много берите, понеже зело дорого станет житье в Голландии; также и певчих, буде не уехали, полно половины, а другую оставьте в Мекленбургии. Как я, так и все со мною зело сожалеют о нынешней дороге вашей: и ежели ты сможешь снести, лучше бы там осталась, понеже не без опасения от худой дороги. Однакож будь в сем воля твоя и, для Бога, не подумай, чтоб я не желал вашей езды сюда, чево сама знаешь, что желаю; и лутче ехать, нежели печалитца. Только не мог удержатца, чтоб не написать; а ведаю, что не утерпишь».

Екатерина выехала, но после тяжелого пути пришлось ей все-таки остановиться в Везеле, недалеко от границы Дании. Здесь 2 января 1717 года она родила сына, которого они заранее договорились назвать Павлом. Царь, слегший на полтора месяца с приступом лихорадки, написал ей в ответ на это известие: «Зело радостное твое писание вчера получил, в котором объявляешь, что Господь Бог нас так обрадовал, что друга рекрута даровал, за что да будет... хвала ему и незабвенное благодарение! Сия ведомость вдвое обрадовала: первое о новорожденном, а паче что вас господь Бог свободил, отчего и мне стало полутче, ибо с самово Рождества Христова столь долго сидеть не мог, как вчерась. Как мочно будет – поеду к тебе немедленно».

На следующий же день Петра постиг удар: его сын умер, а жена была очень плоха. Петр, уже успевший отправить в Россию гонцов с вестью о рождении сына, старался поддержать Екатерину: «Я получил твое письмо о том, что уже знал, о неожиданной случайности, переменившей радость на горе. Какой ответ могу я дать, кроме ответа многострадального Иова? Бог дал, Бог и взял; да будет благословенно имя Божие. Я прошу

тебя так думать об этом; я стараюсь, насколько могу. Моя болезнь, слава Богу, час от часу уменьшается, и я надеюсь скоро выйти из дома. Уже осталась одно возбуждение. В прочем же, слава Богу, я здоров и должен был бы давно отправиться к тебе, если бы можно было ехать по воде, но боюсь тряски при езде по суше. К тому же я жду ответа от английского короля, которого тут ожидают на днях».

Хотя Петр и старался примириться с потерей сына, смерть маленького Павла тяжело сказалась на его состоянии, усилила лихорадку, и он еще месяц пролежал в постели. В таком состоянии и нашла его Екатерина, добравшись наконец да Амстердама. Из-за своей болезни Петр не увиделся с флегматичным ганноверцем, который воцарился на английском троне. Когда Георг I проезжал через Голландию, чтобы сесть на корабль и плыть в Англию, Петр послал к нему Толстого и Куракина, но русских послов не приняли. Позже Георг I извинился и объяснил, что спешил уплыть с приливом.

Когда Петр почувствовал себя лучше, пребывание в Голландии стало ему доставлять большое удовольствие. Екатерина была с ним, и ему хотелось показать ей те места, где он был счастлив в молодости. Он повез ее в Саардам и снова увидел верфь Ост-Индской компании, на которой когда-то строил фрегат. Он съездил в Утрехт, в Гаагу, в Лейден и Роттердам. А весной, при удачном стечении обстоятельств, он планировал наконец-то побывать в Париже, этом центре культуры, блестящего общества, архитектурного изобилия – своими глазами увидеть город, слава о котором гремела по всему миру.